„РОДНАЯ РѢЧЬ“

№ 81.

В. О. Ключевскій.

Характеристика царя Ивана Грознаго.

Цѣна 3 коп.

Изданіе Т-ва „Родная Рѣчь“
Москва
1917.

„Родная Рѣчь“

1. Л. Толстой, Три смерти — Чѣмъ люди живы. . . . . . 6 к.
2. И. Тургеневъ, Бѣжинъ лугъ — Бирюкъ. . . . . . . 6 к.
3. В. Короленко, Чудная — Пріемышъ — Огоньки . . . . 6 к.
4. Г. Успенскій, Неизлѣчимый . . . . 8 к.
5. А. Чеховъ, Унтеръ Пришибеевъ и др. разсказы . . . . . 6 к.
7. И. Бѣлоконскій, Деревенская конспирація — „На второмъ путѣ“ — „Подлый, хитрый народъ“ . . . . 6 к.
8. М. Горькій. Проходимецъ — Легенда о Марко . . . . . 6 к.
9. С. Мечъ, Германія . . . . 8 к.
10. Скиталецъ, Полевой судъ . . . . 3 к.
11. И. Тургеневъ, Муму — Деревня . . . . 6 к.
12. С. Князьковъ, 19-е Февраля 1861 года. . . . . 6 к.
13. М. Арцыбашевъ, Кровавое пятно — Въ деревнѣ . . . . 6 к.
14. А. Орловскій, Освобожденіе крестьянъ въ Пруссіи . . . 6 к.
15. М. Горькій, Пѣсня о Соколѣ — Пѣсня о Буревѣстникѣ. . 3 к.
16. А. Заринъ, День за днемъ . . . . 6 к.
17. И. Бѣлоконскій, Случайно не разстрѣлянный — По рубрикамъ — Первая „бомба“ . . . . 6 к.
18. В. Ключевскій, Петръ Великій среди своихъ сотрудниковъ 8 к.
19. С. Знаменскій, Основныя задачи въ области образованія . 6 к.
20. М. Кабановъ, Англійская политика „равновѣсія“ . . . . 6 к.
21. В. Короленко, Лѣсъ шумитъ . . . . 6 к.
22. А. Шингаревъ, Земская и городская Россія . . . . . . 6 к.
23. А. Купринъ, Дознаніе — Бредъ . . . . 6 к.
24. Ф. Артемьевъ, Въ царствѣ стали . . . . 6 к.
25. И. Крыловъ, Сорокъ басенъ. . . . . 6 к.
26. Е. Угени, Англичане въ Индіи . . . . 6 к.
27. И. Бѣлоконскій, Страшное мѣсто — Страховка — Властители . . . . 6 к.
28. С. Елпатьевскій, Ницца—П. Рыссъ, Парижскіе силуэты 8 к.
29. С. Подъячевъ, Разладъ . . . . 8 к.
30. И. Никитинъ, Избранныя стихотворенія . . . . 8 к.
31. Э. Льенъ, Очерки французской культуры . . . . 8 к.
32. М. Горькій, Емельянъ Пиляй — Дѣло съ застежками — „Выводъ“ . . . . 6 к.
33. С. Князьковъ, Голодъ въ древней Россіи . . . . . . 6 к.
34. В. Вересаевъ, Въ сухомъ туманѣ — Къ спѣху — Объ одномъ городѣ . . . . 6 к.
35. М. Кабановъ, Германская интеллигенція и война . . . . 6 к.
36. А. Кизеветтеръ, Протопопъ Аввакумъ . . . . 6 к.
37. И. Бунинъ, Черноземъ . . . . 3 к.
38. Е. Угени, Объ англичанахъ . . . . 8 к.
39. В. Ключевскій, Значеніе Преподобнаго Сергія для русскаго народа и государства . . . . 3 к.
40. И. Тургеневъ, Ася. . . . . 8 к.
41. А. Орловскій, Реформа городского управленія въ Пруссіи . 6 к.
42. В. Дмитріева, Непримиримые . . . . 8 к.
43. И. Ястро, Богатство Англіи и его источники . . . . . . 6 к.
44. А. Чеховъ, Дочь Альбіона и др. разсказы . . . . . . 6 к.
45. С. Ефремовъ, Изъ общественной жизни на Украинѣ . . . 8 к.
46. Г. Успенскій, Будка . . . . 6 к.
47. В. Силинъ, Внѣшкольное образованіе въ Германіи . . . 8 к.
48. И. Бѣлоконскій, За что и почему? — Фейга . . . . . 8 к.
49. Двѣнадцатый годъ. По разсказамъ современниковъ . . . . 8 к.

В. О. Ключевскій.

Характеристика царя Ивана Грознаго.

(Изъ Курса Русской исторіи).

Царь Иванъ родился въ 1530 году. Отъ природы онъ получилъ умъ бойкій и гибкій, вдумчивый и немного насмѣшливый, настоящій великорусскій, московскій умъ. Но обстоятельства, среди которыхъ протекло дѣтство Ивана, рано испортили этотъ умъ, дали ему неестественное, болѣзненное развитіе. Иванъ рано осиротѣлъ, на четвертомъ году лишился отца, а на восьмомъ потерялъ и мать. Онъ съ дѣтства видѣлъ себя среди чужихъ людей. Въ душѣ его рано и глубоко врѣзалось и всю жизнь сохранялось чувство сиротства, брошенности, одиночества, о чемъ онъ твердилъ при всякомъ случаѣ: „родственники мои не заботились обо мнѣ“. Отсюда его робость, ставшая основной чертой его характера. Какъ всѣ люди, выросшіе среди чужихъ, безъ отцовскаго призора и материнскаго привѣта, Иванъ рано усвоилъ привычку ходить оглядываясь и прислушиваясь. Это развило въ немъ подозрительность, которая съ лѣтами превратилась въ глубокое недовѣріе къ людямъ. Въ дѣтствѣ ему часто приходилось испытывать равнодушіе или пренебреженіе со стороны окружающихъ. Онъ самъ вспоминалъ послѣ въ письмѣ къ князю Курбскому, какъ его съ младшимъ братомъ Юріемъ въ дѣтствѣ стѣсняли во всемъ, держали ихъ какъ убогихъ людей, плохо кормили и одѣвали, ни въ чемъ воли не давали, все заставляли дѣлать насильно и не по возрасту. Въ торжественные, церемоніальные случаи, при выходѣ

или пріемѣ пословъ, его окружали царственной пышностью, становились вокругъ него съ раболѣпнымъ смиреніемъ, а въ будни тѣ же люди не церемонились съ ними, порой баловали, порой дразнили. Играютъ они, бывало, съ братомъ Юріемъ въ спальнѣ покойнаго отца, а первенствующій бояринъ князь И. В. Шуйскій развалится передъ ними на лавкѣ, обопрется локтемъ о постель покойнаго государя, ихъ отца, и ногу на нее положитъ, не обращая на дѣтей никакого вниманія, ни отеческаго, ни даже властительнаго. Горечь, съ какою Иванъ вспоминалъ объ этомъ двадцать пять лѣтъ спустя, даетъ почувствовать, какъ часто и сильно его сердили въ дѣтствѣ. Его ласкали, какъ государя, и оскорбляли, какъ ребенка. Но въ обстановкѣ, въ какой шло его дѣтство, онъ не всегда могъ тотчасъ и прямо обнаружить чувство досады или злости, сорвать сердце. Эта необходимость сдерживаться, дуться въ рукавъ, глотать слезы питала въ немъ раздражительность и затаенное, молчаливое озлобленіе противъ людей, злость со стиснутыми зубами. Къ тому же онъ былъ испуганъ въ дѣтствѣ. Въ 1542 году, когда правила партія князей Бѣльскихъ, сторонники князя И. Шуйскаго ночью врасплохъ напали на стоявшаго за ихъ противниковъ митрополита Іоасафа. Владыка скрылся во дворцѣ великаго князя. Мятежники разбили окна у митрополита, бросились за нимъ во дворецъ и на разсвѣтѣ вломились съ шумомъ въ спальню маленькаго государя, разбудили и напугали его.

Безобразныя сцены боярскаго своеволія и насилій, среди которыхъ росъ Иванъ, были первыми политическими его впечатлѣніями. Они превратили его робость въ нервную пугливость, изъ которой съ лѣтами развилась наклонность преувеличивать опасность, образовалось то, что называется страхомъ съ великими глазами. Вѣчно тревожный и подозрительный, Иванъ рано привыкъ думать, что окруженъ только врагами, и воспиталъ въ себѣ печальную наклонность высматривать, какъ плетется вокругъ него безконечная сѣть козней, которою, чудилось ему,

стараются опутать его со всѣхъ сторонъ. Это заставляло его постоянно держаться насторожѣ; мысль, что вотъ-вотъ изъ-за угла на него бросится недругъ, стала привычнымъ его ожиданіемъ. Всего сильнѣе работалъ въ немъ инстинктъ самосохраненія. Всѣ усилія его бойкаго ума были обращены на разработку этого грубаго чувства.

Какъ всѣ люди, слишкомъ рано начавшіе борьбу за существованіе, Иванъ быстро росъ и преждевременно выросъ. Въ семнадцать - двадцать лѣтъ, при выходѣ изъ дѣтства, онъ ужъ поражалъ окружающихъ непомѣрнымъ количествомъ пережитыхъ впечатлѣній и передуманныхъ мыслей, до которыхъ его предки не додумывались и въ зрѣломъ возрастѣ. Въ 1546 году, когда ему было шестнадцать лѣтъ, среди ребяческихъ игръ, онъ, по разсказу лѣтописи, вдругъ заговорилъ съ боярами о женитьбѣ, и заговорилъ такъ обдуманно, съ такими предусмотрительными политическими соображеніями, что бояре расплакались отъ умиленія, что царь такъ молодъ, а ужъ такъ много подумалъ, ни съ кѣмъ не посовѣтовавшись, отъ всѣхъ утаившись. Эта ранняя привычка къ тревожному уединенному размышленію про-себя, втихомолку, надорвала мысль Ивана, развила въ немъ болѣзненную впечатлительность и возбуждаемость. Иванъ рано потерялъ равновѣсіе своихъ духовныхъ силъ, умѣнье направлять ихъ, когда нужно, раздѣлять ихъ работу или сдерживать одну противодѣйствіемъ другой, рано привыкъ вводить въ дѣятельность ума участіе чувства. О чемъ бы онъ ни размышлялъ, онъ подгонялъ, подзадоривалъ свою мысль страстью. Съ помощью такого самовнушенія онъ былъ способенъ разгорячить свою голову до отважныхъ и высокихъ помысловъ, раскалить свою рѣчь до блестящаго краснорѣчія, и тогда съ его языка или изъ-подъ его пера, какъ отъ горячаго желѣза подъ молоткомъ кузнеца, сыпались искры остротъ, колкія насмѣшки, мѣткія словца, неожиданные обороты. Иванъ — одинъ изъ лучшихъ московскихъ ораторовъ и писателей XVI вѣка, потому что

былъ самый раздраженный москвичъ того времени. Въ сочиненіяхъ, написанныхъ подъ диктовку страсти и раздраженія, онъ больше заражаетъ, чѣмъ убѣждаетъ, поражаетъ жаромъ рѣчи, гибкостью ума, изворотливостью діалектики, блескомъ мысли; но это—фосфорическій блескъ, лишенный теплоты; это не вдохновеніе, а горячка головы, нервическая прыть, слѣдствіе искусственнаго возбужденія. Читая письма царя къ князю Курбскому, поражаешься быстрой смѣной въ авторѣ самыхъ разнообразныхъ чувствъ: порывы великодушія и раскаянія, проблески глубокой задушевности чередуются съ грубой шуткой, жесткимъ озлобленіемъ, холоднымъ презрѣніемъ къ людямъ; минуты усиленной работы ума и чувства смѣнялись полнымъ упадкомъ утомленныхъ душевныхъ силъ, и тогда отъ всего его остроумія не оставалось и простого здраваго смысла. Въ эти минуты умственнаго изнеможенія и нравственной опущенности онъ способенъ былъ на затѣи, лишенныя всякой сообразительности. Быстро перегорая, такіе люди со временемъ, когда въ нихъ слабѣетъ возбуждаемость, прибѣгаютъ обыкновенно къ искусственному средству, къ вину, и Иванъ въ годы опричнины, кажется, не чуждался этого средства. Такой нравственной неровностью, чередованіемъ высокихъ подъемовъ духа съ самыми постыдными паденіями объясняется и государственная дѣятельность Ивана. Царь совершилъ или задумывалъ много хорошаго, умнаго, даже великаго, и рядомъ съ этимъ надѣлалъ еще больше поступковъ, которые сдѣлали его предметомъ ужаса и отвращенія для современниковъ и послѣдующихъ поколѣній. Разгромъ Новгорода по одному подозрѣнію въ измѣнѣ, московскія казни, убійство сына и митрополита Филиппа, безобразія съ опричниками въ Москвѣ и въ Александровской слободѣ — читая обо всемъ этомъ, подумаешь, что это былъ звѣрь отъ природы.

Но онъ не былъ такимъ. По природѣ или воспитанію онъ былъ лишенъ устойчиваго нравственнаго равновѣсія и при малѣйшемъ житейскомъ затрудненіи охотнѣе скло-

нялся въ дурную сторону. Отъ него ежеминутно можно было ожидать грубой выходки; онъ не умѣлъ сладить съ малѣйшимъ непріятнымъ случаемъ. Въ 1577 году на улицѣ въ завоеванномъ ливонскомъ городѣ Кокенгаузенѣ онъ благодушно бесѣдовалъ съ пасторомъ о любимыхъ своихъ богословскихъ предметахъ, но едва не приказалъ казнить его, когда тотъ неосторожно сравнилъ Лютера съ апостоломъ Павломъ, ударилъ пастора хлыстомъ по головѣ и ускакалъ со словами: „поди ты къ чорту со своимъ Лютеромъ". Въ другое время онъ велѣлъ изрубить присланнаго ему изъ Персіи слона, не хотѣвшаго стать передъ нимъ на колѣна. Ему недоставало внутренняго природнаго благородства; онъ былъ воспріимчивѣе къ дурнымъ, чѣмъ къ добрымъ впечатлѣніямъ; онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ недобрыхъ людей, которые скорѣе и охотнѣе замѣчаютъ въ другихъ слабости и недостатки, чѣмъ дарованія или добрыя качества. Въ каждомъ встрѣчномъ онъ прежде всего видѣлъ врага. Всего труднѣе было пріобрѣсти его довѣріе. Для этого такимъ людямъ надобно ежеминутно давать чувствовать, что ихъ любятъ и уважаютъ, всецѣло имъ преданы, и кому удавалось увѣрить въ этомъ царя Ивана, тотъ пользовался его довѣріемъ до излишества. Тогда въ немъ вскрывалось свойство, облегчающее такимъ людямъ тягость постоянно напряженнаго злого настроенія: это — привязчивость. Первую жену свою онъ любилъ какой-то особенно чувствительной, не домостроевской любовью. Такъ же безотчетно онъ привязывался къ Сильвестру и Адашеву, а потомъ и къ Малютѣ Скуратову. Это соединеніе привязчивости и недовѣрчивости выразительно сказалось въ духовной Ивана, гдѣ онъ даетъ дѣтямъ наставленіе, „какъ людей любить и жаловать и какъ ихъ беречься". Эта двойственность характера и лишала его устойчивости. Житейскія отношенія больше тревожили и злили его, чѣмъ заставляли размышлять. Но въ минуты нравственнаго успокоенія, когда онъ освобождался отъ

внѣшнихъ раздражающихъ впечатлѣній и оставался наединѣ съ самимъ собой, со своими задушевными думами, имъ овладѣвала грусть, къ какой способны только люди, испытавшіе много нравственныхъ утратъ и житейскихъ разочарованій. Кажется, ничего не могло быть формальнѣе и бездушнѣе духовной грамоты древняго московскаго великаго князя съ ея мелочнымъ распорядкомъ движимаго и недвижимаго имущества между наслѣдниками. Царь Иванъ и въ этомъ стереотипномъ актѣ выдержалъ свой лирическій характеръ. Эту духовную онъ начинаетъ возвышенными богословскими размышленіями и продолжаетъ такими задушевными словами: „Тѣло изнемогло, болѣзнуетъ духъ, раны душевныя и тѣлесныя умножились и нѣтъ врача, который бы исцѣлилъ меня; ждалъ я, кто бы поскорбѣлъ со мной, и не явилось никого, утѣшающихъ я не нашелъ, заплатили мнѣ зломъ за добро, ненавистью за любовь". Бѣдный страдалецъ, царственный мученикъ, подумаешь, читая эти жалобно-скорбныя строки; а этотъ страдалецъ года за два до того, ничего не разслѣдовавъ, по одному подозрѣнію, такъ зря, безчеловѣчно и безбожно разгромилъ большой древній городъ съ цѣлою областью, какъ никогда не громили никакого русскаго города татары. Въ самыя злыя минуты онъ умѣлъ подниматься до этой искусственной задушевности, до крокодилова плача. Въ разгаръ казней входитъ онъ въ московскій Успенскій соборъ. Митрополитъ Филиппъ встрѣчаетъ его, готовый по долгу сана ‚печаловаться', ходатайствовать за несчастныхъ, обреченныхъ на казнь. „Только молчи, говорилъ царь, едва сдерживаясь отъ гнѣва: одно тебѣ говорю — молчи, отецъ святый, молчи и благослови насъ". — „Наше молчаніе, отвѣчалъ Филиппъ, грѣхъ на душу твою налагаетъ и смерть наноситъ". — „Ближніе мои, скорбно возразилъ царь, встали на меня, ищутъ мнѣ зла; какое тебѣ дѣло до нашихъ царскихъ предначертаній!"

Описанныя свойства царя Ивана сами по себѣ могли бы послужить только любопытнымъ матеріаломъ для психолога — скорѣе для психіатра, скажутъ иные: вѣдь такъ легко нравственную распущенность, особенно на историческомъ разстояніи, признать за душевную болѣзнь и подъ этимъ предлогомъ освободить память мнимобольныхъ отъ исторической отвѣтственности. Къ сожалѣнію, одно обстоятельство сообщило описаннымъ свойствамъ значеніе гораздо болѣе важное, чѣмъ какое обыкновенно имѣютъ психологическіе курьезы, появляющіеся въ людской жизни, особенно такой обильной всякими душевными курьезами, какъ русская: Иванъ былъ ц а р ь. Черты его личнаго характера дали особое направленіе его политическому образу мыслей, а политическій его образъ мыслей оказалъ сильное, притомъ вредное вліяніе на его политическій образъ дѣйствій, испортилъ его.

Иванъ рано и много, раньше и больше, чѣмъ бы слѣдовало, сталъ думать своей тревожной мыслью о томъ, что онъ — государь московскій и всея Руси. Скандалы боярскаго правленія постоянно поддерживали въ немъ эту думу, сообщали ей тревожный, острый характеръ. Его сердили и обижали, выталкивали изъ дворца и грозили убить людей, къ которымъ онъ привязывался, пренебрегая его дѣтскими мольбами и слезами, у него на глазахъ выказывали непочтеніе къ памяти его отца, можетъ быть, дурно отзывались о покойномъ въ присутствіи сына. Но этого сына всѣ признавали законнымъ государемъ; ни отъ кого не слыхалъ онъ и намека на то, что его царственное право можетъ подвергнуться сомнѣнію, спору. Каждый изъ окружающихъ, обращаясь къ Ивану, называлъ его великимъ государемъ; каждый случай, его тревожившій или раздражавшій, заставлялъ его вспоминать о томъ же и съ любовью обращаться къ мысли о своемъ царственномъ достоинствѣ, какъ къ политическому средству самообороны. Ивана учили грамотѣ, вѣроятно, такъ же, какъ учили его предковъ, какъ вообще учили грамотѣ въ древней

Руси, заставляя твердить Часословъ и Псалтирь съ безконечнымъ повтореніемъ „задовъ“, прежде пройденнаго. Изреченія изъ этихъ книгъ затверживались механически и на всю жизнь врѣзывались въ память. Кажется, дѣтская мысль Ивана рано начала проникать въ это механическое зубреніе Часослова и Псалтиря. Здѣсь онъ встрѣчалъ строки о царѣ и царствѣ, о помазанникѣ Божіемъ, о нечестивыхъ совѣтникахъ, о блаженномъ мужѣ, который не ходитъ на ихъ совѣтъ и т. п. Съ тѣхъ поръ какъ сталъ Иванъ понимать свое сиротское положеніе и думать объ отношеніяхъ своихъ къ окружающимъ, эти строки должны были живо затрагивать его вниманіе. Онъ понималъ эти библейскіе афоризмы по своему, прилагая ихъ къ себѣ, къ своему положенію. Они давали ему прямые и желанные отвѣты на вопросы, какіе возбуждались въ его головѣ житейскими столкновеніями, подсказывали нравственное оправданіе тому чувству злости, какое вызывали въ немъ эти столкновенія. Легко понять, какіе быстрые успѣхи въ изученіи Св. Писанія долженъ былъ сдѣлать Иванъ, примѣняя къ своей экзегетикѣ такой нервный, субъективный методъ, изучая и толкуя слово Божіе подъ диктовку раздраженнаго, капризнаго чувства. Съ тѣхъ поръ книги должны были стать любимымъ предметомъ его занятій. Отъ Псалтиря онъ перешелъ къ другимъ частямъ Писанія, перечиталъ много, что могъ достать изъ тогдашняго книжнаго запаса, вращавшагося въ русскомъ читающемъ обществѣ. Это былъ начитаннѣйшій москвичъ XVI вѣка. Не даромъ современники называли его „словесной мудрости риторомъ“. О богословскихъ предметахъ онъ любилъ бесѣдовать, особенно за обѣденнымъ столомъ, и имѣлъ, по словамъ лѣтописи, особливую остроту и память отъ Божественнаго Писанія. Разъ въ 1570 году онъ устроилъ въ своихъ палатахъ торжественную бесѣду о вѣрѣ съ пасторомъ польскаго посольства, чехомъ-евангеликомъ Рокитой, въ присутствіи посольства, бояръ и духовенства. Въ пространной рѣчи онъ изложилъ протестантскому богослову

обличительные пункты противъ его ученія и приказалъ ему защищаться „вольно и смѣло“, безъ всякихъ опасеній, внимательно и терпѣливо выслушалъ защитительную рѣчь пастора и послѣ написалъ на нее пространное опроверженіе, до насъ дошедшее. Этотъ отвѣтъ царя по мѣстамъ отличается живостью и образностью. Мысль не всегда идетъ прямымъ логическимъ путемъ, натолкнувшись на трудный предметъ, туманится или сбивается въ сторону, но порой обнаруживаетъ большую діалектическую гибкость. Тексты Писанія не всегда приводятся кстати; но очевидна обширная начитанность автора не только въ Писаніи и отеческихъ твореніяхъ, но и въ переводныхъ греческихъ хронографахъ, тогдашнихъ русскихъ учебникахъ всеобщей исторіи. Главное, что читалъ онъ особенно внимательно, было духовнаго содержанія; вездѣ находилъ онъ и отмѣчалъ однѣ и тѣ же мысли и образы, которые отвѣчали его настроенію, вторили его собственнымъ думамъ. Онъ читалъ и перечитывалъ любимыя мѣста и они неизглядимо врѣзывались въ его память. Не менѣе иныхъ нынѣшнихъ записныхъ ученыхъ Иванъ любилъ пестрить свои сочиненія цитатами кстати и некстати. Въ первомъ письмѣ къ князю Курбскому онъ на каждомъ шагу вставляетъ отдѣльныя строки изъ Писанія, иногда выписываетъ подъ рядъ цѣлыя главы изъ ветхозавѣтныхъ пророковъ или апостольскихъ посланій и очень часто безъ всякой нужды искажаетъ библейскій текстъ. Это происходило не отъ небрежности въ списываніи, а отъ того, что Иванъ, очевидно, выписывалъ цитаты наизусть.

Такъ рано зародилось въ головѣ Ивана политическое размышленіе, занятіе, котораго не знали его московскіе предки ни среди дѣтскихъ игръ, ни въ дѣловыхъ заботахъ зрѣлаго возраста. Кажется, это занятіе шло втихомолку, тайкомъ отъ окружающихъ, которые долго не догадывались, въ какую сторону направлена встревоженная мысль молодого государя, и вѣроятно не одобрили бы его усидчиваго вниманія къ книгамъ, если бы догадались. Вотъ почему

они такъ удивились, когда въ 1546 году шестнадцатилѣтній Иванъ вдругъ заговорилъ съ ними о томъ, что онъ задумалъ жениться, но что прежде женитьбы онъ хочетъ поискать прародительскихъ обычаевъ, какъ прародители его, цари и великіе князья и сродникъ его Владиміръ Всеволодовичъ Мономахъ на царство, на великое княженіе садились. Пораженные неожиданностью думъ государя, бояре, прибавляетъ лѣтописецъ, удивились, что государь такъ молодъ, а ужъ прародительскихъ обычаевъ поискалъ. Первымъ помысломъ Ивана при выходѣ изъ правительственной опеки бояръ было принять титулъ царя и вѣнчаться на царство торжественнымъ церковнымъ обрядомъ. Политическія думы царя вырабатывались тайкомъ отъ окружающихъ, какъ тайкомъ складывался его сложный характеръ. Впрочемъ по его сочиненіямъ можно съ нѣкоторой точностью возстановить ходъ его политическаго самовоспитанія. Его письма къ князю Курбскому — наполовину политическіе трактаты о царской власти и наполовину полемическіе памфлеты противъ боярства и его притязаній. Попробуйте бѣгло перелистовать его первое длинное-предлинное посланіе: оно поразитъ васъ видимой пестротой и безпорядочностью своего содержанія, разнообразіемъ книжнаго матеріала, кропотливо собраннаго авторомъ и щедрой рукой разсыпаннаго по этимъ нескончаемымъ страницамъ. Чего тутъ нѣтъ, какихъ именъ, текстовъ и примѣровъ! Длинныя и короткія выписки изъ Св. Писанія и отцовъ Церкви, строки и цѣлыя главы изъ ветхозавѣтныхъ пророковъ, Моисея, Давида, Исаіи, изъ новозавѣтныхъ церковныхъ учителей, Василія Великаго, Григорія Назіанзина, Іоанна Златоуста, образы изъ классической миѳологіи и эпоса, Зевсъ, Аполлонъ, Антеноръ, Эней, рядомъ съ библейскими именами Іисуса Навина, Гедеона, Авимелеха, Іеѳѳая, безсвязные эпизоды изъ еврейской, римской, византійской исторіи и даже изъ исторіи западно-европейскихъ народовъ со средневѣковыми именами „Зинзириха“ вандальскаго, готовъ, савроматовъ,

французовъ, вычитанными изъ хронографовъ, и наконецъ порой невзначай брошенная черта изъ русской лѣтописи, — и все это, перепутанное, переполненное анахронизмами, съ калейдоскопической пестротой безъ видимой логической послѣдовательности всплываетъ и исчезаетъ передъ читателемъ, повинуясь прихотливымъ поворотамъ мысли и воображенія автора, и вся эта, простите за выраженіе, ученая каша сдобрена богословскими или политическими афоризмами, настойчиво подкладываемыми, и порой посолена тонкой ироніей или жесткимъ, иногда мѣткимъ сарказмомъ. Какая хаотическая память, набитая наборомъ всякой всячины, — подумаешь, перелистовавъ это посланіе. Не даромъ князь Курбскій назвалъ письмо Ивана бабьей болтовней, гдѣ тексты Писанія переплетены съ рѣчами о женскихъ тѣлогрѣяхъ и о постеляхъ. Но вникните пристальнѣе въ этотъ пѣнистый потокъ текстовъ, размышленій, воспоминаній, лирическихъ отступленій, и вы безъ труда уловите основную мысль, которая красной нитью проходитъ по всѣмъ этимъ видимо столь нестройнымъ страницамъ. Съ дѣтства затверженные авторомъ любимые библейскіе тексты и историческіе примѣры всѣ отвѣчаютъ на одну тему, всѣ говорятъ о царской власти, о ея божественномъ происхожденіи, о государственномъ порядкѣ, объ отношеніяхъ къ совѣтникамъ и подданнымъ, о гибельныхъ слѣдствіяхъ разновластія и безначалія. Н ѣ с т ь в л а с т и, а щ е н е о т ъ Б о г а. В с я к а д у ш а в л а с т е м ъ п р е д е р ж а щ и м ъ д а п о в и н у е т с я. Г о р е г р а д у, и м ъ ж е г р а д о м ъ м н о з и о б л а д а ю т ъ и т. п. Упорно вчитываясь въ любимые тексты и безконечно о нихъ размышляя, Иванъ постепенно и незамѣтно создалъ себѣ изъ нихъ идеальный міръ, въ который уходилъ, какъ Моисей на свою гору, отдыхать отъ житейскихъ страховъ и огорченій. Онъ съ любовью созерцалъ эти величественные образы ветхозавѣтныхъ избранниковъ и помазанниковъ Божіихъ, Моисея, Саула, Давида, Соломона. Но въ этихъ образахъ онъ какъ въ

зеркалѣ старался разглядѣть самого себя, свою собственную царственную фигуру, уловить въ нихъ отраженіе своего блеска или перенести на себя самого отблескъ ихъ свѣта и величія. Понятно, что онъ залюбовался собой, что его собственная особа въ подобномъ отраженіи представилась ему озаренною блескомъ и величіемъ, какого и не чуяли на себѣ его предки, простые московскіе князья-хозяева. Иванъ IV былъ первый изъ московскихъ государей, который узрѣлъ и живо почувствовалъ въ себѣ царя въ настоящемъ библейскомъ смыслѣ помазанника Божія. Это было для него политическимъ откровеніемъ, и съ той поры его царственное „я" сдѣлалось для него предметомъ набожнаго поклоненія: онъ самъ для себя сталъ святыней и въ помыслахъ своихъ создалъ цѣлое богословіе политическаго самообожанія въ видѣ ученой теоріи своей царской власти. Тономъ вдохновеннаго свыше и вмѣстѣ съ обычной тонкой ироніей писалъ онъ во время переговоровъ о мирѣ врагу своему Стефану Баторію, коля ему глаза его избирательной властью: „Мы, смиренный Іоаннъ, царь и великій князь всея Руси по Божію изволенію, а не по многомятежному человѣческому хотѣнію".

Однако изъ всѣхъ этихъ усилій ума и воображенія царь вынесъ только простую, голую идею царской власти безъ практическихъ выводовъ, какихъ требуетъ всякая идея; теорія осталась неразработанной въ государственный порядокъ, въ политическую программу. Увлеченный враждой и воображаемыми страхами, онъ упустилъ изъ виду практическія задачи и потребности государственной жизни и не умѣлъ приладить своей отвлеченной теоріи къ мѣстной исторической дѣйствительности. Безъ этой практической разработки его возвышенная теорія верховной власти превратилась въ капризъ личнаго самовластія, исказилась въ орудіе личной злости, безотчетнаго произвола. Потому стоявшіе на очереди практическіе вопросы государственнаго порядка остались неразрѣшенными. Въ молодости,

какъ мы видѣли, начавъ править государствомъ, царь съ избранными своими совѣтниками повелъ смѣлую внѣшнюю и внутреннюю политику, цѣлью которой было съ одной стороны добиться берега Балтійскаго моря и войти въ непосредственныя торговыя и культурныя сношенія съ западной Европой, а съ другой — привести въ порядокъ законодательство и устроить областное управленіе, создать мѣстные земскіе міры и призвать ихъ къ участію не только въ мѣстныхъ судебно-административныхъ дѣлахъ, но и въ дѣятельности центральной власти. Земскій соборъ, впервые созванный въ 1550 году, развиваясь и входя обычнымъ органомъ въ составъ управленія, долженъ былъ укрѣпить въ умахъ идею земскаго царя взамѣнъ удѣльнаго вотчинника. Но царь не ужился со своими совѣтниками. При подозрительномъ и болѣзненно возбужденномъ чувствѣ власти онъ считалъ добрый прямой совѣтъ посягательствомъ на свои верховныя права, несогласіе со своими планами — знакомъ крамолы, заговора и измѣны. Удаливъ отъ себя добрыхъ совѣтниковъ, онъ отдался одностороннему направленію своей мнительной политической мысли, вездѣ подозрѣвавшей козни и крамолы, и неосторожно возбудилъ старый вопросъ объ отношеніи государя къ боярству, — вопросъ, котораго онъ не въ состояніи былъ разрѣшить и котораго потому не слѣдовало возбуждать. Дѣло заключалось въ исторически сложившемся противорѣчіи, въ несогласіи правительственнаго положенія и политическаго настроенія боярства съ характеромъ власти и политическимъ самосознаніемъ московскаго государя. Этотъ вопросъ былъ неразрѣшимъ для московскихъ людей XVI вѣка. Потому надобно было до поры до времени заминать его, сглаживая вызвавшее его противорѣчіе средствами благоразумной политики, а Иванъ хотѣлъ разомъ разрубить вопросъ, обостривъ самое противорѣчіе, своей односторонней политической теоріей поставивъ его ребромъ, какъ ставятъ тезисы на ученыхъ диспутахъ, принципіально, но непрактично. Усвоивъ себѣ чрезвычайно исключитель-

ную и нетерпѣливую, чисто-отвлеченную идею верховной власти, онъ рѣшилъ, что не можетъ править государствомъ, какъ правили его отецъ и дѣдъ, при содѣйствіи бояръ; но какъ иначе онъ долженъ править, этого онъ и самъ не могъ уяснить себѣ. Превративъ политическій вопросъ о порядкѣ въ ожесточенную вражду съ лицами, въ безцѣльную и неразборчивую рѣзню, онъ своей опричниной внесъ въ общество страшную смуту, а сыноубійствомъ подготовилъ гибель своей династіи. Между тѣмъ успѣшно начатыя внѣшнія предпріятія и внутреннія реформы разстроились, были брошены недоконченными по винѣ неосторожно обостренной внутренней вражды. Отсюда понятно, почему этотъ царь двоился въ представленіи современниковъ, переживших его царствованіе. Такъ одинъ изъ нихъ, описавъ славныя дѣянія царя до смерти царицы Анастасіи, продолжаетъ: „а потомъ словно страшная буря, налетѣвшая со стороны, смутила покой его добраго сердца и я не знаю, какъ перевернула его многомудренный умъ въ нравъ свирѣпый, и сталъ онъ мятежникомъ въ собственномъ государствѣ“. Другой современникъ, характеризуя грознаго царя, пишетъ, что это былъ „мужъ чуднаго разсужденія, во наукѣ книжнаго почитанія доволенъ и многорѣчивъ, зѣло ко ополченію дерзостенъ и за свое отечество стоятеленъ, на рабы, отъ Бога данные ему, жестосердъ, на пролитіе крови дерзостенъ и неумолимъ, множество народа отъ мала до велика при царствѣ своемъ погубилъ, многіе города свои поплѣнилъ и много иного содѣялъ надъ рабами своими; но тотъ же царь Иванъ и много добраго совершилъ, воинство свое весьма любилъ и на нужды его изъ казны своей не отскудно подавалъ“.

Такимъ образомъ положительное значеніе царя Ивана въ исторіи нашего государства далеко не такъ велико, какъ можно было бы думать, судя по его замысламъ и начинаніямъ, по шуму, какой производила его дѣятельность. Грозный царь больше задумывалъ, чѣмъ сдѣлалъ, сильнѣе подѣйствовалъ на воображеніе и нервы своихъ

современниковъ, чѣмъ на современный ему государственный порядокъ. Жизнь Московскаго государства и безъ Ивана устроилась бы такъ же, какъ она строилась до него и послѣ него; но безъ него это устроеніе пошло бы легче и ровнѣе, чѣмъ оно шло при немъ и послѣ него, важнѣйшіе политическіе вопросы были бы разрѣшены безъ тѣхъ потрясеній, какіе были имъ подготовлены. Важнѣе отрицательное значеніе этого царствованія. Царь Иванъ былъ замѣчательный писатель, пожалуй даже бойкій политическій мыслитель; но онъ не былъ государственный дѣлецъ. Одностороннее, себялюбивое и мнительное направленіе его политической мысли при его нервной возбужденности лишило его практическаго такта, политическаго глазомѣра, чутья дѣйствительности, и успѣшно предпринявъ завершеніе государственнаго порядка, заложеннаго его предками, онъ незамѣтно для себя самого кончилъ тѣмъ, что поколебалъ самыя основанія этого порядка. Карамзинъ преувеличилъ очень немного, поставивъ царствованіе Ивана, — одно изъ прекраснѣйшихъ по началу, — по конечнымъ его результатамъ наряду съ монгольскимъ игомъ и бѣдствіями удѣльнаго времени. Враждѣ и произволу царь жертвовалъ и собой, и своей династіей, и государственнымъ благомъ. Его можно сравнить съ тѣмъ ветхозавѣтнымъ слѣпымъ богатыремъ, который, чтобы погубить своихъ враговъ, на самого себя повалилъ зданіе, на крышѣ коего враги сидѣли.

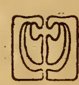

Раньше вышли:

18. В. Ключевскій, Петръ Великій среди своихъ сотрудниковъ . . . . 8 к.
39. В. Ключевскій, Значеніе Преподобнаго Сергія для русскаго народа и государства . . . . . 3 к.
71. В. Ключевскій, Добрые люди древней Руси . 6 к.

Готовится къ печати:

В. Ключевскій, Евгеній Онѣгинъ и его предки.

Тип. „Родная Рѣчь“ МОСКВА, Криво-Арбатскій пер., 3.

„Родная Рѣчь“

50. Л. Толстой, Хозяинъ и работникъ . . . . 8 к.
51. М. Моравскій, Въ иностранномъ легіонѣ . . . . 8 к.
52. Ф. Шиллеръ, Избранныя баллады. Въ переводѣ В. А. Жуковскаго . . . . 8 к.
53. В. Мякотинъ, На зарѣ русской общественности . . . 10 к.
54. Л. Андреевъ, Петька на дачѣ — Валя — Баргамотъ и Гараська . . . . 6 к.
55. К. Баранцевичъ, Посконная жизнь . . . . 8 к.
56. В. Якушкинъ, Сперанскій и Аракчеевъ . . . . . . 8 к.
57. Діонео, Безъ работы . . . . 6 к.
58. Е. Звягинцевъ, Общественное движеніе въ Россіи въ началѣ XIX вѣка . . . . 8 к.
59. Ѳ. Сологубъ, Политическія сказочки . . . . 6 к.
60. Л. Толстой, Народныя легенды . . . . 8 к.
61. К. Петровъ, Ирландія . . . . 8 к.
62. А. Чеховъ, Мужики . . . . 6 к.
63. Изъ нѣмецкихъ поэтовъ. Переводы В. А. Жуковскаго, М. Ю. Лермонтова, гр. А. К. Толстого . . . . 8 к.
64. П. Р—ъ, Изъ дневника человѣка безъ паспорта . . . . . 8 к.
65. В. Короленко, Морозъ — Въ ночь подъ свѣтлый праздникъ 6 к.
66. Ф. Артемьевъ, Страхованіе рабочихъ въ Германіи . . . 6 к.
67. А. Зиновьевъ, Изъ исторіи развитія русскаго государства 3 к.
68. С. Аникинъ, Шпикъ — А. Гринъ, Ночь. . . . . . 8 к.
69. С. Сватиковъ, Конституціонное движеніе при Александрѣ II 12 к.
70. Н. Некрасовъ, Избранныя стихотворенія . . . . 10 к.
71. В. Ключевскій, Добрые люди древней Руси . . . . . 3 к.
72. Н. Лѣсковъ, Лѣвша. . . . . 6 к.
73. Н. Сухановъ, Происхожденіе міровой войны . . . . . 12 к.
74. В. Калининъ, Балканская Голгоѳа . . . . 6 к.
75. А. Чеховъ, Человѣкъ въ футлярѣ — Новая дача — Тоска — Ванька — Спать хочется . . . . 8 к.
76. К. Петровъ, Война и культура . . . . 8 к.
77. И. Тургеневъ, Хорь и Калинычъ — Ермолай и мельничиха — Льговъ . . . . 6 к.
78. М. Горькій, Въ степи — Дружки . . . . 6 к.
79. М. Салтыковъ, Миша и Ваня — Развеселое житье . . . 8 к.
80. На общественныя темы. Сборникъ стихотвореній. . 12 к.
81. В. Ключевскій, Характеристика царя Ивана Грознаго . 3 к.

Тип. „Родная Рѣчь" Москва, Криво-Арбатскій пер., 3.